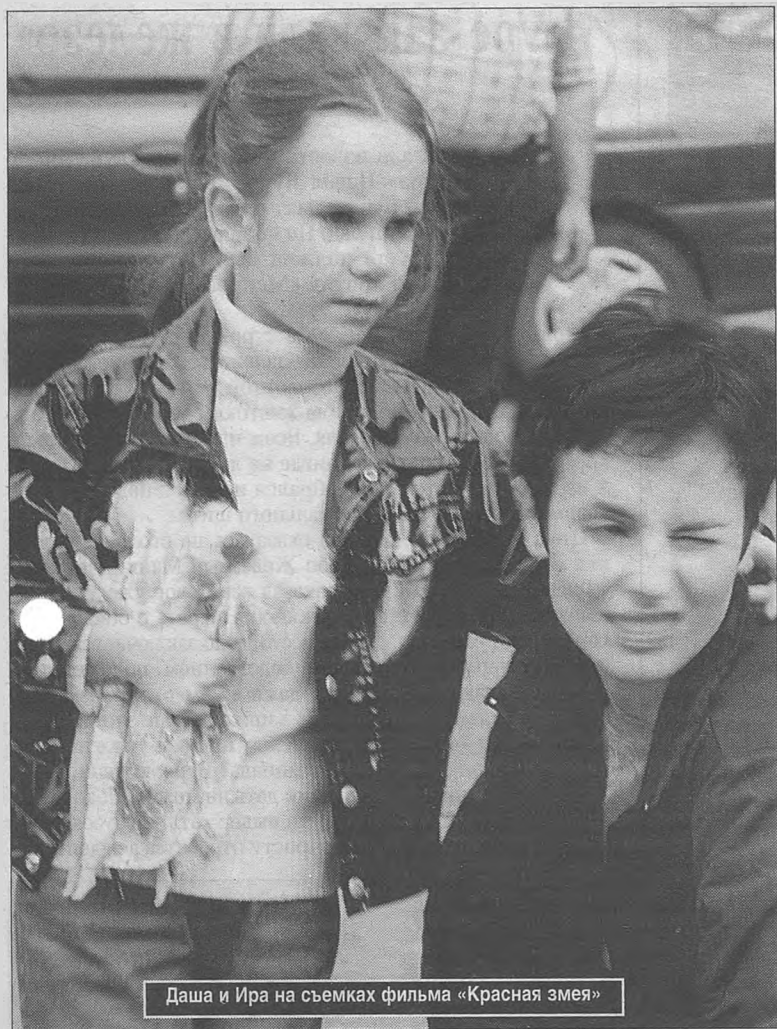

Даша и Ира на съемках фильма «Красная змея»

не про новых русских и не про старых колхозников. А музыку будет писать Максим Дунаевский. Знаете, я абсолютная максималистка. Хочу, чтобы это был или тотальный успех, или провал. Это для меня пережить проще, чем что-то среднее.

— Мало кто знает, что вы поете, танцуете, бьете чечетку.

— Придет время — узнают. Понимаете, то, что я всю жизнь играю в кино, не позволяет это использовать. Были времена, мы с Валерой Николаевым даже подрабатывали чечеткой. Это было уже к концу нашего обучения в Школе-студии МХАТ, начало театральной жизни. Это был 90-й год, время, когда в Москве был почти голод, ни фильмов, ни чего-то другого не было, и основным заработком были эти «халтуры». Мы участвовали в сборных концертах.

— А ваш второй новый проект?

— «Кармен». Драматическо-пластический спектакль.

— Думаю, что Кармен — это «очень ваше».

— Да, очень хочется сыграть.

— Так, может быть, ради этого и волосы отрастите?

— Ну, к сожалению, они не отрастают так быстро, как зреют мои проекты.

— А как ваша бурная сериальная жизнь?

— Сейчас пауза. Этим летом я снялась в трех фильмах одновременно. Закончилась «Клетка». Потом «Самозванцы»... то ли 3, то ли 33... (Смеется.) И американский боевик «Красная змея». Так что сейчас я занимаюсь в основном «Веселыми ребятами».

— Как сейчас складывается ваша личная жизнь? Вы общаетесь с Валерой Николаевым?

— Мы друзья, естественно. Когда столько лет прожито вместе...

— Ну а как вы сами чувствуете себя на новом витке?

— Я? Очень непросто... Я не люблю говорить о личной жизни, потому что сегодня может быть так, а завтра уже иначе. Двенадцать лет существовал наш брак с Валерой Николаевым, и можно было спокойно говорить: «Да, вот они — муж и жена, счастливая пара». Сейчас я не могу сказать, что я несчастный человек. Это было бы неправдой. Я — счастливая женщина, но... все непросто. Я сложившаяся личность, и у меня очень непростой и взрывной характер.

Позтому мне нужен человек, который будет гораздо сильнее меня. Я хочу быть слабой, неуверенной, иногда я хочу спрятаться к кому-то под мышку. Вокруг непростая жизнь — очень трудно быть женственной. И если ты хочешь из себя что-то представлять, хочешь, чтобы твои близкие ни в чем не испытывали нужды, то приходится самой принимать решения, защищаться от хамства и жлобства. Вот чего я совсем не переношу. Когда люди начинают хамить, у меня тут же падает планка. Хочется оставаться женщиной, хочется расслабиться. Хочется спросить у любимого: «Как ты ду-

маешь — так или этак?» И он тебе скажет как. А не «как сама хочешь». Как я хочу, я и сама знаю, а если спрашиваю, значит, хочу услышать его ответ. Хочется, чтобы за тебя кто-то что-то решил. Очень хочется.

— Такого человека можно ждать вечно.

— Ну, тогда лучше ждать. Лучше журавль в небе, чем синица в руках. Я (опять же) максималистка. Я верю в судьбу. Чтобы человек не выбирал, он всегда выбирает то, что положено ему по судьбе. Вы знаете, я раньше часто смеялась над тем, что я родилась 13-го в понедельник, может быть, поэтому у меня никогда в жизни ничего просто не получается. Мне всего приходится добиваться.

— А со стороны кажется, что у вас все складывается гладко и легко.

— Вы знаете, вот те, кто живет со мной рядом в одной квартире, — мама и Дашка — вот они хорошо понимают, как все это нелегко. Впрочем, если человек чего-то добивается, уже можно сказать, что все легко.

— Как поживает ваша дочь?

— Даше уже семь с половиной лет. Она — умница, замечательная, способная девочка. Очень много занимается — и музыкой, и балетом. Мне хочется в нее с детства побольше напихать, чтоб ей было из чего выбирать потом. Недавно моя мама вернулась из Америки к нам на постоянное место жительства. Довольно редкий случай. В Нью-Йорке на нее все посмотрели как на сумасшедшую, когда она пришла в посольство получать российский паспорт. Так что со мной сейчас мамочка и Даша, у которой есть замечательная няня.

— Как вам вспоминается ваша американская жизнь? Я знаю, что вы с трудом переносили пассивное лежание у бассейна.

— Да, наверное, очень немногие смогут понять меня. Дело в том, что я практически ничего не делала в Лос-Анджелесе. Вы знаете, я ездила в супермаркет, покупая всего по чуть-чуть, чтобы завтра мне снова надо было ехать туда, чтобы

«Вокруг меня по-прежнему классическая музыка»

в жизни было хоть какое-то движение. Я каждый день придумывала: «Ой! У нас вот это закончилось» или «Вот теперь надо это купить». Покупаешь сегодня один носок, чтобы завтра купить другой. От этого можно было действительно сойти с ума. Единственное счастье было в том, что каждый месяц на неделю или десять дней я летала во МХАТ играть спектакль. Меня ждали и специально планировали репертуар. И когда я улетала отсюда, я каждый раз ревела, садясь в самолет, понимая: вот она, моя жизнь! Мой любимый театр! Поэтому я вернулась.

Ирина родилась в Волгограде. Позже ее семья, семья классических музыкантов, переехала в Одессу. Сразу после школы Ира поступила в кордебалет Одесского театра оперетты, спустя год перешла в Волгоградскую оперетту. Еще через год отправилась покорять Москву. Поступление в знаменитую Школу-студию МХАТ не было простым и легким. Далеко не все верили в ее успех. Только мама — главный единомышленник и ангел-хранитель Ирины — всегда верила в свою дочь и оказалась права на 200 процентов.

— Я помню вашу роль в фильме Евстигнеева «Лимита». Талантливые провинциалы приезжают и решительно покоряют Москву. Ведь с вами именно так и произошло?

— Я не могу сказать, что я покоряла Москву, но я зацепилась здесь. Я очень боюсь, например, что у моей дочери как у москвички теперь будут отсутствовать те самые бойцовские качества, которые были у меня. Я приехала в Москву и никому здесь была не нужна. И мой единственный шанс был в том, чтобы учиться, работать, как-то проявлять себя, иначе — «до свидания, езжай обратно в Волгоградскую оперетту». Мне кажется, что москвичи потому и не любят провинциалов. У нас был очень сильный студенческий курс. Посмотрите, кто остался на плаву: Машков — провинциал, Миронов — провинциал, я — провинциалка... Тут требуется и удача, конечно. Мне нужно было бороться. «Грызть зубами эту историю». Тем более что Олег Павлович — непростой педагог, и мы жили каждый день под угрозой того, что тебя могут выгнать. Все силы шли на то, чтобы пробыть. Ну а дальше — МХАТ,

куда я тоже пришла не одна. Многие уходили, почувствовав, что не получается.

— Как вы относитесь к публичной стороне своей профессии? Все эти бурные обсуждения вашего с Валерой развода, затем попытки выяснить, с кем же вы теперь...

— А, да, меня все время к кому-то присобачивали. Это был цирк, конечно... Вы знаете, я спокойно к этому отношусь, но начинаю дергаться, когда я понимаю, что рядом со мной есть люди, которые относятся к этому по-другому. Слава богу, что моя дочь не видела всех этих публикаций, но есть и другие люди, кого это оскорбляет. Есть родители у Валеры Николаева, которым все это неприятно читать. Один раз я не выдержала, позвонила в одну газету и спросила: «Когда это я вам давала интервью?» Стало появляться много интервью, перепечатанных откуда-то, и что больше всего меня бесит — это якобы моя прямая речь. Я читаю эту чушь собачью, высказывания глупые невероятно. Это чудовищно, но сделать с этим я ничего не могу. А кто-то прочитал и подумал, какая она дура, эта Алексимова. А в остальном публичность профессии меня не пугает и популярность не тяготит. Наоборот, это очень приятно.

— Вы знаете, что со стороны вы кажетесь холодной и недоступной?

— Да, я знаю, что есть такое восприятие меня. Я не сразу это поняла, и был период, когда я не понимала, почему люди ко мне так относятся. Однажды я спросила своего близкого друга: «Артур, ну что же происходит? Почему так?» Он сказал: «А ты посмотри, когда ты выходишь с наглой мордой из своей машины, кто к тебе подойдет? Люди думают, что с тобой лучше не связываться». (Ира весело смеется.)

В ее глазах периодически вспыхивают маленькие чертики, напоминая о том, какая сила кроется в этой внешне спокойной и сдержанной женщине. Легко представить, как Алексимова гоняет по Москве на своем «Понтиаке». Говорит, что ездит довольно безалаберно и не может выдержать стояния за какой-нибудь машиной, если ее можно хоть как-то объехать. На вопрос, можно ли считать, что это и есть ее жизненное кредо, Ирина, рассмеявшись, ответила: «Да, вполне».

«Когда-то чечетка помогла мне заработать на хлеб»